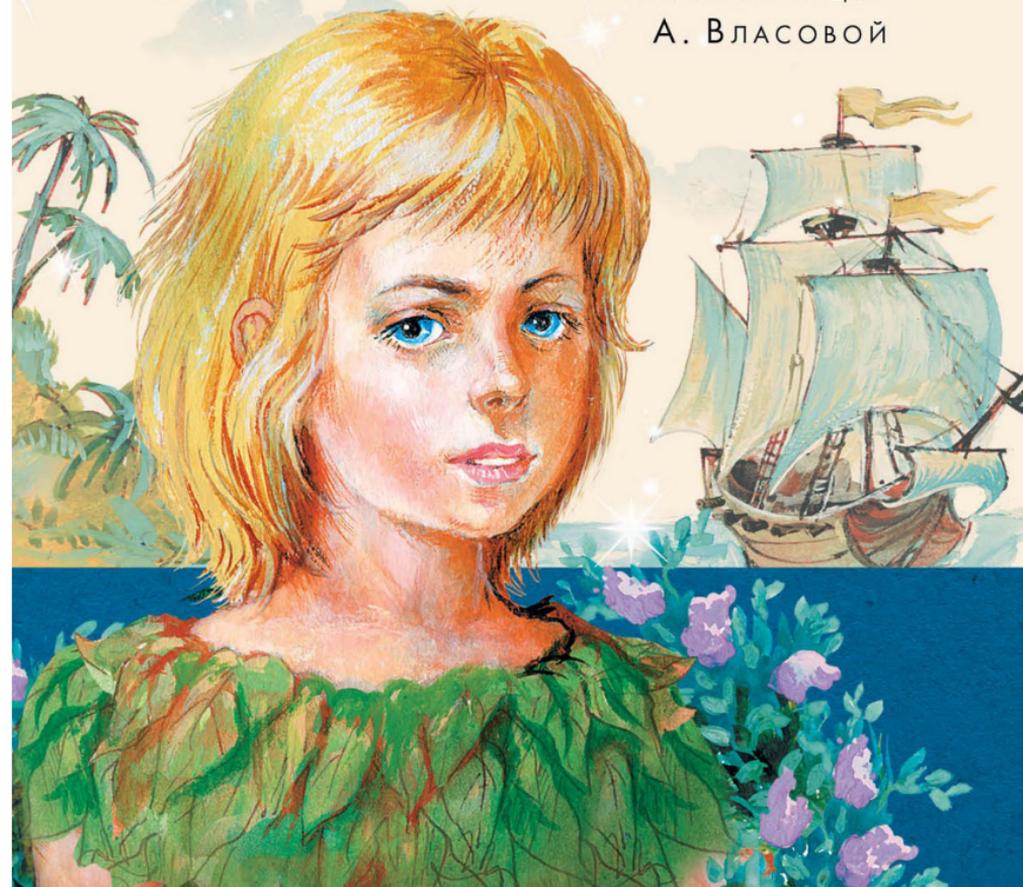

➤ • ЛЮБИМЫЕ ПИСАТЕЛИ – ДЕТЯМ • ◀

Дж. М. БАРРИ
ПИТЕР ПЭН

ИЛЛЮСТРАЦИИ
А. ВЛАСОВОЙ

Джеймс Мэтью Барри Питер Пен

Серия «Любимые писатели – детям»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23230340
Питер Пен. [сказочная повесть]: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113116-6*

Аннотация

Джеймс Мэтью Барри (1860–1937) – шотландский драматург и романист, который придумал сказочную историю про Питера Пэна – мальчика, который не хотел взрослеть.

Повесть переводилась на разные языки, неоднократно ставилась на сцене театров и была экранизирована. В нашей книге представлен классический перевод Ирины Токмаковой, лауреата Государственной премии Российской Федерации за произведения для детей и юношества.

Питер Пэн – мальчик, который однажды решил никогда не взрослеть. Он живёт на острове Нетинебудет, населённом эльфами и гномами, русалками и кровожадными пиратами. По удивительной случайности на этот же остров попадают Венди, Джон и Майкл. Ребятам предстоит столкнуться с опасностями, познакомиться с жителями волшебной земли и, конечно же, вернуться обратно домой. Но так ли просто это сделать, если сам Питер Пэн может встать у них на пути?

В книгу вошли иллюстрации Анны Власовой – члена Международной федерации художников, а также Московского союза художников.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дж. М. Барри
Питер Пэн

сказочная повесть

© Токмакова И.П., перевод, насл., 2019

© Ил., Власова А.Ю., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава первая

Питер Пэн нарушает спокойствие

Все дети, кроме одного-единственного на свете ребёнка, рано или поздно вырастают. Венди знала это наверняка. Выяснилось это вот каким образом. Когда ей было два года, она играла в саду. Ей попался на глаза удивительно красивый цветок. Она его сорвала и побежала к маме. Наверное, она в этот момент была очень хорошенькой, потому что мама, миссис Дарлинг, воскликнула:

– До чего жаль, что ты не останешься такой навсегда!

Только и всего. Но с этого момента Венди знала, что она вырастет. Человек обычно догадывается об этом, когда ему

исполнится два года...

Мама у Венди была необыкновенная. Во-первых, она была красивая. Во-вторых, в правом уголке рта пряталась у неё особенная, почти неуловимая улыбка. Венди никак не удавалось её поймать. Улыбка показывалась и тут же пряталась, будто её и нет. И ещё было у мамы в характере что-то такое... ну прямо поразительное, почти волшебное. Я вам сейчас попытаюсь объяснить. Знаете, бывают такие ящички. Откроешь один, а в нём – другой, а в другом – третий. И всегда остаётся ещё один ящичек про запас, сколько ты ни открывай.

Папа, мистер Дарлинг, так женился на маме. Однажды почти целый десяток юношей вдруг обнаружили, что они хотят взять её в жёны. Они тут же побежали делать ей предложение. А папа нанял извозчика и всех опередил. Таким образом, мама досталась ему. Всё, кроме той самой улыбки и самого последнего ящичка.

Мама очень уважала папу, потому что он работал в банке и разбирался в таких вещах, как проценты и акции, а в этом чаще всего разобраться просто невозможно. Но он говорил «проценты растут» или «акции падают» с таким видом, что всякий бы его заужал.

Между прочим, Венди появилась на свет первой, а потом уже Джон, а после – Майкл.

Когда Венди появилась на свет, родители долго совещались, как им быть – то ли оставить её, то ли кому-нибудь от-

дать, потому что ведь прокормить ребёнка не такая уж дешёвая вещь.

Мистер Дарлинг сидел на краешке постели и считал, а миссис Дарлинг смотрела на него умоляюще.

– Не перебивай, – просил он. – У меня в кармане фунт и семнадцать пенсов да два шестьдесят на работе. Я перестану пить кофе в обеденный перерыв, да твои восемнадцать, да ещё фунт, который ты одолжила соседу, да вычешь семь... Почему плачет ребёнок? Итак, сорок девять, да вычешь ребёнка... Вот видишь, ты меня сбила! Короче говоря, как ты думаешь, мы можем прожить на девятьсот девяносто семь фунтов в год?

– Сможем, сможем, – заверила его миссис Дарлинг. Уж очень ей хотелось оставить себе девочку.

– Не забывай про свинку, – предупредил он её. – На свинку – фунт, на корь – полтора, да и коклюш обойдётся не меньше чем в восемь шиллингов.

Те же переживания возникли, когда появились Джон и Майкл. Но их тоже оставили в доме.

И вскоре их можно было увидеть на улице. Все трое важно вышагивали в сопровождении няни.

Миссис Дарлинг любила, чтобы всё в доме было как надо, а мистер Дарлинг любил, чтобы было не хуже, чем у людей. Поэтому они никак не могли обойтись без няни. Но поскольку они были бедны – ведь дети просто разоряли их на молоко, – в нянях у них была большая чёрная собака водолаз, ко-

торуую звали Нэна. До того как Дарлинги наняли её к себе на службу, она была просто ничьей собакой. Правда, она очень заботилась о детях вообще, и Дарлинги познакомились с ней в Кенсингтонском парке. Там она проводила свой досуг, заглядывая в детские колясочки. Её страшно не любили нерадивые няньки, которых она сопровождала до дому и жаловалась на них их хозяйкам.

Нэна оказалась не няней, а чистым золотом. Она купала всех троих. Вскакивала ночью, если кто-нибудь из них хотя бы шевельнётся во сне. Будка её стояла прямо в детской. Она всегда безошибочно отличала кашель, который не стоит внимания, от кашля, при котором горло необходимо обвязать старым шерстяным чулком. Нэна верила в старые, испытанные средства вроде листьев ревеня и не доверяла всем этим новомодным разговорам о микробах.

Было приятно видеть, как она вела юных Дарлингов в детский сад, выстроив в линейку по росту и неся в зубах зонтик на случай дождя. Нэна была во всех отношениях образцовой няней. И мистер Дарлинг прекрасно это знал, хотя иногда и беспокоился, не шушукуются ли на этот счёт соседи.

Он всё-таки занимал положение в Сити и не мог с этим не считаться. Временами ему казалось, что Нэна недостаточно им восхищается.

– Что ты, Джордж, – пыталась разуверить его миссис Дарлинг. – Она от тебя в полном восторге. – При этом она делала незаметный знак детям, чтобы они были особенно ласковы

с отцом.

Порой в детской открывались танцы. Иногда в них принимала участие и Лиза, единственная прислуга в доме. Ох, как бывало весело! Веселее всех отплясывала сама миссис Дарлинг. Она так приседала и кружилась, что видна была только та самая улыбка. Если бы в этот момент с маху наскочить на миссис Дарлинг, может быть, и удалось бы наконец эту улыбку поймать. Трудно было представить себе более простую и счастливую семью до того, как появился Питер Пэн.

Миссис Дарлинг впервые обнаружила его, когда приводила в порядок мысли своих детей. Разве вы не слышали? Это в обычае у всех хороших матерей. Когда дети уснут, матери производят уборку в их мыслях, наводя там порядок, и кладут все мысли по местам. Когда ребёнок просыпается, то все капризы лежат сложенные на дне его головы, а сверху положены добрые чувства, хорошенечко проветренные и вычищенные за ночь. И ещё в мыслях у каждого ребёнка есть его собственная страна Нетинебудет, и чаще всего это остров, очень яркий и цветной, с коралловыми рифами, с быстроходным кораблём на горизонте, с дикарями и гномами, и большинство из этих гномов – портные. Есть там ещё пещеры, на дне которых протекают реки, и ещё – принцы, у которых к тому же есть шесть старших братьев и заброшенная хижина в лесу, и ещё – очень старая старушка, и нос у неё крючком. С этим было бы не так сложно справиться, однако это ещё не всё. Там ещё помещается первый день учёбы в

школе, и пруд, и убийцы, и вышивание крестиком, и глаголы, требующие дательного падежа, и воскресный пудинг, и три пенса, которые дадут, если молочный зуб выдернуть самому, и так далее, и так далее. Конечно, в воображении каждого – своя страна Нетинебудет. В своей стране Джон, например, жил в перевёрнутой лодке, Майкл в вигваме, а Венди в шалаше из крепко сшитых друг с другом больших листьев, и к тому же у неё был ручной волк, которого родители покинули в детстве. Но с этой небольшой разницей острова Нетинебудет похожи друг на друга, как братья, у которых всегда одинаковые носы. На этих волшебных берегах дети, играя, вечно вытаскивают на берег свои рыбачьи лодки. Мы с вами в детстве тоже там побывали. До сих пор до нашего слуха доносится шум прибоя, но мы уже никогда не высадимся на том берегу.

Иногда, совершая путешествия в мыслях своих детей, миссис Дарлинг натыкалась на непонятные слова, и самым удручающим было слово «Питер». Она лично не была знакома ни с каким Питером, но в мыслях Джона и Майкла оно попадалось нередко, а в голове у Венди оно попадалось просто на каждом шагу. Имя это было написано там более крупными буквами, чем все остальные слова. Присматриваясь к нему, миссис Дарлинг нашла, что имя это выглядит как-то очень странно и дерзко.

– Да, он очень заносчивый, – призналась Венди со вздохом, когда мама спросила её о нём.

– Но кто он, доченька?

– Он просто Питер Пэн, мамочка. Ты ведь знаешь.

Сначала миссис Дарлинг никак не могла вспомнить никого с таким именем. А потом, мысленно добравшись до своего детства, она вдруг вспомнила про какого-то Питера Пэна, о котором говорили, что он живёт там, где феи. Когда она была маленькая, она, конечно, этому верила, но теперь она была замужней и разумной женщиной, поэтому решительно сомневалась в существовании подобного персонажа.

– Кроме всего прочего, – заметила она Венди, – ему уже давно пора повзрослеть.

– Ой, нет, он не растёт, – поделилась с ней Венди. – Он такой, ну, такой, как я.

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мистером Дарлингом. Но он только снисходительно улыбнулся:

– Попомни мои слова. Это какая-нибудь ерунда, которую Нэна вбила им в голову. Собаке вполне могла прийти в голову подобная фантазия. Не обращай внимания. Пройдёт.

Но это никак не проходило. И вскоре несносный мальчишка насмерть перепугал бедную миссис Дарлинг.

Однажды утром Венди открыла миссис Дарлинг нечто, что чрезвычайно её обеспокоило. В детской на полу обнаружили листья, которых наверняка там не было, когда дети ложились спать. Миссис Дарлинг безуспешно пыталась найти ключ к этой загадке, когда Венди произнесла со снисходительной улыбкой:

– Наверно, это опять Питер.

– О чём ты говоришь, Венди?

– Как только не стыдно не убрать за собой! – продолжала

Венди со вздохом. Она была очень опрятной девочкой.

Венди объяснила самым будничным тоном, что, мол, Питер иногда появляется ночью в детской, и садится на краешек её кровати, и играет на своих дудочках. Она при этом не просыпается, и неизвестно, откуда она об этом знает. Просто знает, и всё.

– Что за нелепицу ты говоришь, солнышко! Как же можно войти в дом, не постучавшись?

– По-моему, он является через окно.

– Но, родненькая, мы ведь живём на третьем этаже!

– А разве листья не валялись возле окна, мам?

Совершенно верно. Листья были обнаружены как раз возле окна. Миссис Дарлинг растерялась. Венди говорила с такой уверенностью. Решительно не было никакой возможности объяснить ей, что всё это она увидела во сне.

– Доченька, почему ты мне про это раньше не сказала? – воскликнула миссис Дарлинг.

– Я забыла, – ответила Венди беззаботно. Она торопилась к завтраку.

Может, это всё-таки был сон? А как же тогда листья?

Миссис Дарлинг рассмотрела их внимательно. Это были высохшие листья. И миссис Дарлинг могла бы поклясться, что в Англии такие деревья не растут.

Она исползала весь пол со свечой в руке, стараясь обнаружить следы. Она на всякий случай поковыряла кочергой в каминной трубе и постучала по стенкам камина. Она спустила из окна спальни шнурок до самой земли, но никто по нему не влез.

Конечно, дочери это всё приснилось.

Но ей ничего не приснилось. Это выяснилось на следующий день вечером. Можно сказать, что с этого дня и начались приключения детей семьи Дарлинг.

Ребята уже улеглись спать. У Нэны был выходной, и миссис Дарлинг сама их выкупала, и уложила в постель, и спела каждому песенку. Пока они один за другим не отправились в страну сновидений.

Всё выглядело таким уютным и таким надёжным, что миссис Дарлинг улыбнулась своим недавним страхам. Она села с шитьём возле камина. В камине ещё горел огонь. Детская была освещена тремя ночниками. Миссис Дарлинг неожиданно задремала над рубашкой, которую она шила для Майкла. Ей даже начал сниться сон. Ей привиделось, будто остров Нетинебудет подплыл совсем близко к дому и странный мальчик с этого острова явился к ним в дом. Она не встревожилась, потому что лицо его показалось ей знакомым. Ей снилось, что он слегка раздвинул завесу, которая скрывает остров Нетинебудет, и что Венди, и Джон, и Майкл по очереди заглядывают в щёлку.

Сам по себе сон мог оказаться сущим пустяком. Но де-

ло-то в том, что, пока он ей снился, окно в детской растворилось и мальчик, появившийся на подоконнике, соскочил на пол. За ним вслед в окно влетело какое-то странное пятнышко света величиной не больше вашего кулака. Это пятнышко как живое заметалось по комнате. Видимо, оно и разбудило миссис Дарлинг.

Вздрогнув, она проснулась и сразу же увидела мальчика, и каким-то образом тотчас поняла, что это Питер Пэн. Между прочим, если бы мы с вами оказались в комнате, мы бы сразу увидели, что он чем-то очень напоминает ту самую загадочную её улыбку, о которой мы говорили вначале.

В общем-то, он был хорошеньким мальчиком, одетым в платье из сухих листьев и прозрачной смолы.

Его рот был полон жемчужных молочных зубов. Ни один ещё не выпал. И это её напугало. Как же так, ведь он был таким же ребёнком с молочными зубами ещё во времена её детства!

Когда он заметил, что в спальне взрослый человек, он сердито оскалил на неё все свои жемчужинки.

Глава вторая

Тень

Миссис Дарлинг вскрикнула, и в тот же момент открылась дверь и вошла Нэна, потому что её выходной день кончился. Она зарычала и бросилась к мальчишке, который тут же легко выпорхнул в окно. Миссис Дарлинг снова вскрикнула, на этот раз от страха, что он упадёт и разобьётся, и она скорее побежала вниз, чтобы поглядеть, что с ним случилось. Но его там не было. Она подняла голову. На небе, как ей показалось, она заметила блуждающую звёздочку.

Она снова поднялась в детскую и увидела, что Нэна что-то

держит в зубах. Оказалось, что это мальчишкина тень. Когда он подскочил к окну, Нэна быстренько захлопнула раму, но он уже успел выскочить, а вот тень его не успела. Хлоп – оконная рама резко затворилась и прищемила её.

Уж конечно, миссис Дарлинг рассмотрела эту тень самым внимательным образом, но ничего особенного не обнаружила – тень как тень.

Нэна тут же сообразила, что с тенью делать. Она повесила её за окном, что должно было означать: «Он, конечно, вернётся за своей тенью. Давайте поместим её так, чтобы он мог её взять, не напугав ребятишек».

Но, к сожалению, миссис Дарлинг не могла допустить, чтобы за окном что-то болталось. Тень была так похожа на выстиранную тряпку, что портила respectable вид их фасада.

Ей очень хотелось немедленно показать тень мистеру Дарлингу. Он сидел, склонившись над счётами и обвязав голову мокрым полотенцем для ясности мыслей, и высчитывал возможность купить Майклу и Джону зимние пальтишки. Ей было совестно отрывать его от важного дела. Кроме того, она заранее знала, что он скажет: «Вот чем кончается, когда в няньки нанимают собаку».

Она решила аккуратненько свернуть тень и положить её в ящик комода. Пусть полежит, пока не подвернётся удобный случай сообщить мужу новость.

Увы! Случай подвернулся ровно через неделю, в ту неза-

бываемую пятницу. Да, несомненно. Это была пятница.

– Мне бы надо было быть особенно осторожной в пятницу, – говорила она впоследствии мужу.

Он сидел рядом с ней, а Нэна сидела с другой стороны и держала её руку.

– Ах, нет, нет, – качал головой мистер Дарлинг. – Это я во всём виноват. Я, Джордж Дарлинг, сотворил всё это своими руками. Меа кульпа, меа кульпа, – добавил он по-латыни, что значит «моя вина». Он получил в своё время классическое образование.

Так они сидели по вечерам, вспоминая ту роковую пятницу, пока все даже самые мелкие подробности не проявились у них в головах, как это бывает с переводными картинками.

– Если б только я сообразила не принять приглашение от соседей из дома 27! – говорила миссис Дарлинг.

– Если б только я не налил своё дурацкое лекарство в Нэнину мисочку!

– Если б только я догадалась сделать вид, что лекарство мне нравится, – говорили собачьи глаза, полные слёз.

– Ах, это всё моё пристрастие к званым обедам, Джордж!

– Нет, дорогая, это всё моё дурацкое чувство юмора.

– Нет, моё неумение не обращать внимания на пустяки, дорогие хозяева!

А затем кто-нибудь из них или все трое разом плакали, и каждый думал своё.

Нэна думала: «Конечно, нельзя было нанимать собаку в

няньки», – и миссис Дарлинг промокала Нэнины слёзы своим платком.

– Этот негодяй! – восклицал мистер Дарлинг, и Нэна вторила ему лаем.

Так они сидели рядышком в опустевшей детской, припоминая все подробности этого ужасного вечера в пятницу...

Начался вечер совсем обыкновенно, безо всяких событий, как тысячи таких же вечеров.

Нэна согрела воду, чтобы выкупать Майкла, посадила его к себе на спину и потащила в ванную.

– Не хочу я спать! – вопил Майкл, хотя прекрасно понимал, что все эти вопли не помогают. – Не хочу, Нэна, ещё рано ведь! Нэна, не буду тебя больше любить, раз так! Не хочу я купаться, слышишь?

Потом в детскую вошла миссис Дарлинг в белом вечернем платье. Венди очень любила, когда она надевала это платье. На миссис Дарлинг были надеты ожерелье и браслет. Браслет принадлежал Венди. Но пока она вырастет, миссис Дарлинг его одалживала у Венди. А Венди очень любила давать свой браслет маме поносить.

Венди и Джон перед сном играли в маму и папу и разыгрывали тот момент, когда родилась Венди.

Джон говорил: «Я счастлив сообщить вам, миссис Дарлинг, что вы теперь стали матерью», – таким тоном, как мог бы говорить сам мистер Дарлинг по такому случаю.

А Венди изображала миссис Дарлинг и запрыгала от ра-

дости, как это сделала бы сама настоящая миссис Дарлинг.

Потом так же разыграли рождение Джона, только ещё торжественнее, потому что родился мальчик.

В это время Нэна привезла Майкла из ванной, и Майкл заявил, что он тоже хочет родиться. Но Джон довольно грубо сказал ему, что им больше детей не нужно.

Майкл чуть не заплакал:

– Никому я, выходит, не нужен.

Ясно, что леди в вечернем платье не выдержала такой несправедливости. Она закричала:

– Мне нужен, мне нужен третий ребёнок.

– Мальчик или девочка?

– Мальчик, – подтвердила миссис Дарлинг.

Тогда он прыгнул к ней на колени. Казалось бы, незначительное событие. Но теперь они все его вспоминали, потому что это было в последний раз...

– Как раз в этот момент я и ворвался как ураган, да? – говорил мистер Дарлинг, глубоко себя презирая.

И действительно, тогда он напоминал ураган.

Дело в том, что он тоже одевался к званому обеду, и всё было в порядке до тех пор, пока не дошло до галстука. Трудно, конечно, поверить, но дело обстояло именно так. Этот человек, который знал всё про акции и проценты, не умел завязывать галстука. Правда, по временам галстук сдавался без борьбы. Но иногда всем домашним казалось, что лучше бы уж он проглотил свою гордость и пользовался готовым

галстуком, заранее завязанным на фабрике.

В тот вечер был как раз такой случай. Он влетел в детскую, держа в руках измятый негодяйский галстук.

– Что-нибудь случилось, папочка?

– Случилось! Вот галстук – так он не завязывается! Видишь ли, он желает завязываться только на спинке кровати. Двадцать раз я пробовал, и двадцать раз он завязывался. А вокруг шеи не желает. Отказывается!

Ему показалось, что миссис Дарлинг не поняла всей серьёзности положения, поэтому он продолжал:

– Предупреждаю тебя, мамочка. Пока этот галстук не завяжется по-человечески вокруг моей шеи, я из дома не выйду. А если я из дома не выйду, то мы не попадём на званый обед. А если мы не придём на этот обед, мне лучше не показываться на службе. А если я там не покажусь, то мы умрём с голоду, а наши дети окажутся на улице.

Но даже после этой зажигательной речи миссис Дарлинг продолжала сохранять спокойствие.

– Дай я попробую завязать, милый.

Собственно, за этим он и шёл в детскую.

Своими мягкими, прохладными руками она завязала ему галстук, а дети стояли и глядели на то, как решалась их судьба.

Другой бы мужчина, может быть, и возмутился бы тем, что она сумела сделать это так легко. Другой, но не мистер Дарлинг. Он ведь был славным человеком. Он поблагодарил

её кивком и через минуту уже скакал по детской с Майклом на закорках.

– Какую мы тогда устроили кучу-малу! – вздохнула миссис Дарлинг.

– В последний раз в жизни, – простонал мистер Дарлинг.

– Помнишь, Джордж, Майкл спросил меня: «Мамочка, а как ты узнала в первый раз, что это именно я?»

– Помню!

– Они были такие милые, правда?

– И они были наши. Наши! А теперь их у нас нет! Тогда куча-мала рассыпалась с приходом Нэны.

Мистер Дарлинг нечаянно наскочил на Нэну и тут же обшерстил свои новые брюки. И не в том даже дело, что брюки были новые. Это были первые в жизни брюки с шёлковой тесьмой по бокам!

Конечно, миссис Дарлинг тут же почистила их щёткой, но мистер Дарлинг опять завёл разговор насчёт того, что неправильно держать в няньках собаку.

– Джордж, Нэна просто сокровище!

– Не сомневаюсь. Только мне иногда кажется, что она принимает детей за щенят.

– Да нет же, дорогой! Я уверена, что ты ошибаешься.

– Не знаю, – произнёс мистер Дарлинг задумчиво. – Не знаю.

Миссис Дарлинг показалось, что наступил подходящий момент рассказать ему про мальчишку. Сначала он не хотел

и слушать, но потом задумался, когда она показала ему тень.

– Эта тень не напоминает мне ни одного из моих знакомых, – сказал он. – Но мне кажется, что её обладатель – негодяй...

– Мы как раз об этом говорили, – вспоминал мистер Дарлинг, – когда Нэна вошла с лекарством для Майкла. Больше ты никогда не принесёшь пузырёк с лекарством, Нэна, и во всём этом виноват только я один!..

Он был, несомненно, мужественным человеком. Но тогда с этим лекарством повёл себя, прямо скажем, глупо. Если у мистера Дарлинга и были какие-то слабости, то одна из них заключалась в том, что ему казалось, будто всю жизнь он очень храбро принимал лекарства. Поэтому, когда Майкл начал отпихивать ложку с микстурой, которую Нэна велела ему принять на ночь, мистер Дарлинг сказал:

– Будь мужчиной, Майкл.

– Не хочу, не хочу! – капризничал Майкл.

Миссис Дарлинг пошла за шоколадкой, чтоб дать ему заесть. Мистеру Дарлингу это показалось баловством.

– Майкл, – сказал он строго, – в твоём возрасте я принимал лекарства без звука. Да ещё говорил при этом: «Спасибо, дорогие родители, что вы так обо мне заботитесь».

Он честно верил, что всё так и было на самом деле. Венди тоже всему верила. И поэтому она сказала, чтобы подбодрить Майкла:

– Пап, то лекарство, которое ты иногда принимаешь,

правда противное?

– Намного противнее того, что пьёт Майкл. Я бы его принял сейчас, чтоб дать тебе урок мужества, Майкл. Только пузырёк куда-то потерялся.

Скажем, он не то чтобы потерялся. Просто как-то ночью мистер Дарлинг залез на стул и поставил лекарство на самую верхнюю полку шкафа, за шляпными картонками. Он и не догадывался, что Лиза обнаружила склянку во время уборки и вернула её на полку в аптечный шкафчик.

– Я знаю, где лекарство, папочка! – воскликнула всегда готовая услужить Венди. – Я принесу.

И она умчалась раньше, чем он успел её остановить. Настроение мистера Дарлинга моментально испортилось.

– Джон, – сказал он, поёживаясь, – если б ты знал, какая это гадость! Густая, липкая, приторная гадость.

– Ничего, пап, потерпи, – подбодрил его Джон.

В этот момент в комнату влетела Венди. Она держала в руке стакан. В стакане было лекарство.

– Правда, я быстро? – похвасталась она.

– Очень, – сказал мистер Дарлинг с иронией в голосе. – Только пусть Майкл пьёт первый.

– Нет уж, раньше ты, – заявил подозрительный по натуре Майкл.

– Меня может стошнить, – сказал мистер Дарлинг с угрозой в голосе.

– Давай, пап! – скомандовал Джон.

– Помолчи, Джон.

Венди удивилась:

– Я думала, ты его раз – и проглотишь!

– Не в этом дело. Дело в том, что у меня – полстакана, а у Майкла только чайная ложка. – Он едва не плакал. – Так несправедливо.

– Папа, я жду, – сказал Майкл ледяным тоном.

– Я тоже.

– Значит, ты трусишка.

– Ты сам трусишка.

– Я ничего не боюсь.

– И я ничего не боюсь.

– Тогда пей.

– Сам пей.

Тут Венди осенило:

– А вы не по очереди. Вы одновременно.

– Хорошо, – отозвался мистер Дарлинг. – Ты готов, Майкл?

Венди сосчитала: раз, два, три, и Майкл проглотил микстуру, а мистер Дарлинг спрятал стакан за спину.

Майкл завопил от возмущения, а Венди прошептала с укоризной:

– Папа.

– Что «папа»? Да перестань ты вопить, Майкл! Я хотел выпить. Я просто промахнулся.

Нэна вышла из комнаты, поглядев на него с молчаливым

укором. Как только дверь за ней закрылась, мистер Дарлинг зашептал заговорщически:

– Послушайте, я придумал отменную штуку. Я вылью лекарство Нэне в мисочку. Оно белое, и она подумает, что это молоко. И выпьет.

Он так и сделал. Лекарство действительно походило на молоко, оно было густым и белым. Мистер Дарлинг засмеялся, но его никто не поддержал.

– Вот смеху-то! – сказал он.

Но все молчали и глядели на него неодобрительно. Нэна вернулась в детскую, и он сказал ей притворно-ласковым голосом:

– Нэна, собачка, не хочешь ли попить молочка?

Нэна вильнула хвостом, подбежала к своей миске и начала лакать. Потом она поглядела на него сердито. Глаза её стали влажными. Она обиженно уползла к себе в будку.

Мистеру Дарлингу было стыдно за самого себя, но он не желал сдаваться.

Вошла миссис Дарлинг. В комнате царило молчание. Она понюхала жидкость в мисочке.

– Ох, Джордж, да ведь это же твоё лекарство!

– Я пошутил! – заорал он сердито. – Никакой возможности вас всех рассмешить! Как я ни стараюсь!

Миссис Дарлинг успокаивала мальчиков. Венди гладила Нэну.

– Гладь, гладь, балуй её, нежничай. Кто-нибудь приласкал

бы меня хоть раз в жизни. Да где там! Кто я для вас? Кормилец. Рабочий скот! Кому же надо со мной нежничать!

– Джордж, – умоляла миссис Дарлинг. – Потихе: слуги могут услышать.

В доме всего-навсего была одна прислуга Лиза, маленькая, как лилипутик, но они называли её торжественно – слуги.

– Пусть слышат. Созови хоть весь свет. Но я не разрешу больше этой собаке хозяйничать в нашей детской.

Дети ударились в рёв, Нэна пыталась с ним помириться, но он отогнал её от себя. Он чувствовал себя настоящим мужчиной.

– Ничего! Ничего! Твоё место во дворе. И я тебя немедленно посажу там на цепь.

– Джордж, Джордж, прошу тебя, вспомни, что я тебе говорила о том мальчишке.

Увы. Он ничего не стал слушать. Он был полон намерения всем наконец показать, кто в доме хозяин. Он приказал Нэне вылезти из будки, но она не послушалась. Тогда он выманил её всякими притворно-ласковыми словами и, когда она вылезла, схватил её и поволок вон из детской. Он ужасно себя стыдился. И всё равно не отступал. Когда он вернулся в дом, посадив Нэну на цепь, он тёр глаза кулаками и чуть не плакал.

Миссис Дарлинг сама уложила детей. В детской царил непривычная тишина. Мать зажгла ночники. Было слышно,

как Нэна лаяла во дворе. Джон сказал:

– Это оттого, что он её посадил на цепь.

Но Венди оказалась мудрее.

– Нет. Она не так лает, когда расстраивается. Это другой лай. Так она лает, когда чувствует опасность.

Опасность!

– Ты так думаешь, Венди?

– Знаю наверное.

Миссис Дарлинг вздрогнула и подошла к окну. Оно было надёжно заперто. Она выглянула в окно. Небо было густо наперчено звёздами. Они все как-то сгрудились над домом, точно хотели увидеть, что же здесь произойдёт. Парочка самых маленьких звёздочек подмигнула ей, но она не заметила.

Правда, какой-то непонятный страх сжал её сердце, и она воскликнула:

– И зачем только мы приняли это приглашение!

Даже Майкл, который уже почти заснул, почувствовал, что она взволнована. Он приоткрыл глаза и спросил:

– Мам, с нами ведь ничего не может случиться, раз у нас горят ночники?

– Ничего, моё солнышко, – успокоила она его. – Они как будто мамины глазки. Они будут вас охранять.

Она обошла все три кровати и каждому сказала ласковые слова на прощание.

Майкл обнял её за шею.

– Мамочка, как я тебя люблю!

Это были последние слова, которые она от него слышала.

Она услышит его снова не скоро.

Дом 27 был недалеко от их дома. Но недавно выпал снег, и они шли осторожно, чтобы не запачкать обувь. На улице уже никого не было. Только звёзды над головой.

Звёзды вообще-то красивые. Но они не могут ни во что вмешиваться. Они могут только смотреть. Кажется, это для них наказание за что-то, что они совершили так давно, что ни одна звезда уже не в силах вспомнить. Старые звёзды даже и не пытаются вспомнить, а молодые всё ещё продолжают их спрашивать. Сказать, чтобы они уж очень любили Питера, – не скажешь. Он ведь проказник. И иногда дует на них, пытаясь погасить. Но и они не прочь позабавиться, и поэтому в тот вечер они были на стороне Питера, и им очень хотелось, чтобы взрослые поскорее ушли. Так что, когда дверь в доме 27 захлопнулась, в небе началось некоторое волнение, а самая маленькая звёздочка крикнула тоненьким голосом:

– Питер! Пора!

Глава третья

В путь! В путь!

Ещё несколько мгновений после того, как мистер и миссис Дарлинг ушли, ночники возле кроватей горели ясно. Это были очень симпатичные огоньки, и страшно жаль, что они проспали и не видели Питера. Но ночничок возле кровати Венди вдруг заморгал и так сладко зевнул, что заразил зевотой два других. И прежде чем они успели дозевать, они – все три – погасли.

Теперь комната была освещена совсем другим огоньком, в тысячу раз ярче ночников. В этот самый момент, когда мы

говорим о нём, он шарит по всем ящикам комода, роется в шкафу, выворачивает там все карманы наизнанку в поисках тени Питера.

На самом деле это не лампочка. Комната вся светится оттого, что свет этот мечется как сумасшедший. Но если он остановится хоть на мгновение, вы увидите, что это молоденькая фея величиной, ну, например, с вашу ладонь. Её звали Починка, потому что она умела чинить кастрюли и чайники. Она летала от одного дома к другому (в этих домах тоже жили феи, разумеется) и своим мелодичным голоском вызванивала: «Чинить-паять, кастрюльки починять». Но друзья за этот её голосок, похожий на нежный звон колокольчика, привыкли называть её Динь-Динь. Одевалась она в короткое платьице из ажурных листиков, которое ей, кстати сказать, очень шло и подчеркивало изящество её фигурки.

Минуту спустя после того, как фея появилась в детской, маленькие звёздочки разом подули на окно, оно растворилось и в комнату влетел Питер.

Ровно половину пути к дому Дарлинггов он нёс Динь-Динь на руках, поэтому он был весь обсыпан пылью, которой обычно посыпают себя феи.

– Динь-Динь, – позвал он тихонько после того, как убедился, что ребята спят. – Динь, где ты?

Динь-Динь сидела в кувшине, и, надо сказать, ей это очень нравилось, потому что до сих пор ей никогда не приходилось попадать в кувшин с водой.

– Да вылезай ты из этого кувшина! Лучше скажи, ты нашла, куда они девали мою тень?

В ответ раздался нежный звон, как будто кто-то зазвонил в маленькие золотые колокольчики. Так говорят феи. Это их язык. Он такой тихий, что обычно ребята его не слышат.

Динь сказала, что тень спрятана в большой коробке. Она имела в виду комод. Питер подскочил к комоду, выдвинул один за другим все ящики и вышвырнул их содержимое на пол. В один миг он нашёл свою тень и так этому обрадовался, что не заметил, как задвинул ящик вместе с находившейся там Динь-Динь.

Он был уверен, что, как только он обнаружит свою тень, он сольётся с ней в одно целое, как сливаются в одну каплю две капли воды. Но ничего такого не произошло, и Питер страшно перепугался. Он притащил из ванной кусок мыла и попытался приклеить тень мылом. Но у него ничего не получилось. Тогда он уселся на пол и заплакал.

Он так рыдал, что разбудил Венди. Она села на кровати. Надо сказать, что она совсем не испугалась, увидев мальчишку, который плакал, сидя на полу. Ей просто стало любопытно.

– Мальчик, – сказала она очень вежливым голосом. – Почему ты плачешь?

Питер тоже умел быть вежливым, он кое-чему научился на торжествах у фей. Поэтому он встал и изысканно поклонился. Венди это очень понравилось, и она ему тоже отвеси-

ла поклон.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Венди Мойра Энджела Дарлинг, – ответила она. – А тебя?

– Питер Пэн.

– И всё?

– Да, – ответил он немножечко резко. В первый раз в жизни ему показалось, что имя его действительно коротковато.

– Прости, – сказала Венди Мойра Энджела. – Я ведь это и раньше знала.

– Чепуха, – сказал Питер.

– А где ты живёшь?

– Второй поворот направо, а дальше прямо до самого утра.

– Какой смешной адрес!

– Ничуть не смешной, – заявил он.

– Я просто подумала, как же его написать на конверте?

Она тут же пожалела, что сказала про письма, потому что он ответил презрительно:

– Мне не пишут писем.

– Может, пишут твоей маме?

– У меня нет мамы.

У него не просто не было мамы. Ему мама и не была нужна. Он вообще считал, что мама человеку ни к чему. Но Венди стало его жаль.

– О, Питер, теперь я понимаю, почему ты плакал. – Она

соскочила с кровати и подбежала к нему.

– Я совсем не поэтому плакал, – возмутился он. – А потому, что моя тень не хочет ко мне прилипнуть. И вообще я вовсе не плакса.

– Она что, оторвалась?

– Да.

Тут Венди увидела, что тень валяется на полу, такая сморщенная и жалкая. Ей стало жаль Питера.

– Какой ужас! – сказала она. Но тут же улыбнулась, потому что увидела, что он пытался приклеить её мылом.

«Вот мальчишка», – подумала она. К счастью, она сразу сообразила, что надо делать.

– Её следует пришить, – сказала она взрослым голосом.

– Что значит «пришить»?

– До чего ты необразованный!

– Ничего подобного.

– Ладно, сейчас всё сделаем, малыш, – успокоила его Венди. Хотя ростом он был ничуть не меньше её.

Она достала свой игольник и напёрсток и стала пришивать тень к ногам Питера.

– Учти, будет больно.

– Не заплачу, – сказал Питер.

Он стиснул зубы и терпел. Вскоре тень была крепко к нему пришита, хоть вид у неё и был немного помятый.

– Мне бы надо её сначала погладить утюгом! – задумчиво сказала Венди.

Но Питеру, как и всякому мальчишке, было на это наплевать. Он в дикой радости заскакал по комнате. Он уже забыл, что тень ему пришила Венди.

– Какой я умный! – вопил он. – До чего умён – ужас! – И он прокричал петухом.

Приходится признаться, что он был чудовищным зазнайкой.

Венди была поражена.

– Ты задавала! – воскликнула она. – А я, конечно, по-твоему, ничего не сделала?

– Ну, немножко.

– Ах так! Ладно. Я удаляюсь.

Она прыгнула в постель и закрылась одеялом с головой.

Он сделал вид, что уходит. Но это не помогло. Венди не выглянула. Тогда он сел на кончик кровати и похлопал по одеялу босой ногой.

– Венди, – сказал он ласковым голосом, – не удаляйся, не надо. Я просто такой. Я всегда кукарекаю, когда я собой доволен.

Она не вылезла из-под одеяла, но было видно, что она прислушивается.

– Венди, – продолжал Питер, – от одной девочки больше толку, чем от двадцати мальчишек.

Венди выглянула из-под одеяла.

– Ты честно так думаешь, Питер?

– Ага.

– Какой ты хороший! Тогда я опять встаю.

Она села с ним рядышком на краю кровати.

– Я даже подарю тебе поцелуй.

Питер не знал, что это такое. Он протянул руку ладошкой вверх.

– Подари.

– Ты знаешь, что такое поцелуй?

– Подаришь, так буду знать.

Венди не хотела его смущать. Она протянула ему напёрсток.

– Хочешь, я тебе тоже подарю поцелуй? – сказал Питер.

Венди слегка наклонилась к нему.

– Если ты хочешь...

Питер оторвал от своей курточки жёлудь, который служил ему пуговицей, и протянул Венди.

– Спасибо. Я буду носить твой поцелуй на цепочке.

Она прикрепила его к цепочке, которая была у неё на шее. И прекрасно сделала. Потом это спасёт ей жизнь. Венди знала, что, когда люди знакомятся, принято спрашивать, сколько им лет. Венди была воспитанной девочкой и любила делать то, что принято. Она спросила Питера, сколько ему лет, и вдруг поняла, что спрашивать было не нужно. У него сделалось такое лицо, точно он попал на экзамен и ему достался билет про неправильные глаголы, а он хотел, чтоб его спросили про Трафальгарскую битву.

– Не знаю, – ответил он с неохотой. – Но вообще-то я ещё

маленький. Я, Венди, удрал из дома в тот самый день, как родился. – Питер понизил голос. – Я услышал, как мама и папа говорили о том, кем я буду, когда вырасту и стану взрослым мужчиной. А я вовсе не хочу становиться взрослым мужчиной. Я хочу всегда быть маленьким и играть. Поэтому я удрал и поселился среди фей в Кенсингтонском парке.

Венди поглядела на него с восхищением. Питер отнёс его за счёт того, что он не побоялся удрать из дома. Но на самом деле её восхитило знакомство с феями.

Она стала сыпать вопросами, и это немного его удивило. Для него в феях не было ничего необычного, они надоедали ему, попадались под ноги и так далее. Но вообще-то он их любил. Он рассказал Венди, как они впервые появились.

– Понимаешь, когда родился первый ребёнок на свете и он в первый раз засмеялся, то его смех раскатился на тысячу мелких кусочков и из каждого появилось по фее. И так было задумано, чтобы у каждого ребёнка была своя фея.

– Так и получается?

– Нет, ребята уж очень умные стали, чуть подрастут – и уже не верят, что на свете есть феи. А стоит только кому-нибудь сказать: «Глупости, нет никаких фей», – как одна из них тут же падает замертво.

Ему надоело говорить о феях. Он прислушался. Его удивляло, что Динь-Динь до сих пор ни разу не подала голоса.

– Не понимаю, куда она подевалась. Динь, где ты?

У Венди забилося сердце.

– Питер, – закричала она, хватая его за руку, – уж не хочешь ли ты сказать, что здесь, в комнате, фея?

– Была только что, – сказал он не без раздражения. – Ты не слышишь ничего?

Они вместе прислушались.

– Вроде звенят какие-то колокольчики, – сказала Венди. – А больше ничего.

– Тогда это и есть Динь. Она так разговаривает. Ага, мне кажется, я тоже слышу.

Звон доносился со стороны комода. У Питера вдруг сделалось весёлое лицо. Ни у кого не бывало такого весёлого лица, как у него. И какой звонкий был у него смех! Он всё ещё умел смеяться, как смеются в первый раз в жизни.

– Венди, – прошептал он, – кажется, я задвинул её вместе с ящиком!

Он выпустил бедняжку Динь из ящика, и она заметалась в воздухе, ругая его на чём свет стоит.

– Ладно, не ругайся, – сказал Питер. – Ну, виноват, виноват. Только откуда мне было знать, что ты там сидишь?

– Питер, – воскликнула Венди, – пусть она постоит минутку, я хочу её рассмотреть!

– Они редко когда останавливаются, – заметил Питер.

Но на минуточку она всё же задержалась на часах с кукушкой.

– Ой, какая хорошенькая! – поразилась Венди, хотя лицо у Динь всё ещё было искажено злостью.

– Динь, – произнёс Питер дружелюбным тоном, – эта леди хочет, чтобы ты стала её феей.

Динь ответила какой-то дерзостью.

– Что она говорит, Питер?

Ему пришлось переводить:

– Она не очень-то воспитана. Она говорит, что ты большая и безобразная девчонка. И что она – моя фея. – Он попытался её урезонить: – Ты не можешь быть моей феей, Динь, потому что я мужчина, а ты женщина.

– Дурачок ты, – сказала на это Динь и упорхнула в ванную.

Венди продолжала приставать к Питеру с расспросами:

– Ты больше не бываешь в Кенсингтонском парке?

– Почему? Бываю иногда...

– А больше всего где бываешь?

– Там, где потерянные мальчишки.

– Кто они такие?

– Ребята, которые вывалились из колясочек, пока няньки зевали по сторонам. Когда ребята выпадут из коляски и их семь дней никто не хватится, тогда они отправляются в страну Нетинебудет. Я там их командир.

– Как здорово!

– Здорово-то здорово, да скучновато. У нас ведь нет там девчонок.

– Какой ты молодец, что так говоришь про девочек! Вот, например, Джон – вон он там спит, – так он девчонок просто презирает.

Вместо ответа Питер подошёл к кровати и так лягнул Джона, что тот вывалился из кровати вместе с подушкой и одеялом.

Венди на него рассердилась.

– Ты пока что тут не командир, – сказала она сердито.

Но Джон продолжал спать на полу.

– Ладно, – сказала Венди, – ты ведь не хотел ничего плохого. Так что можешь подарить мне поцелуй.

– А я думал, ты подарила его мне навсегда.

– Ой, я совсем забыла! Подари мне, пожалуйста, напёрсток.

– А это что ещё такое?

– Это вот что.

Венди поцеловала его в щёку.

– Подумать только! Ты хочешь, чтобы я тебе подарил напёрсток?

– Если ты сам захочешь.

Питер поцеловал её, и в ту же минуту она вскрикнула.

– Ты что, Венди?

– Кто-то больно дёрнул меня за волосы!

– Это, наверное, Динь. Она что-то сегодня как никогда разволновалась.

И точно – это была Динь. Она носилась в воздухе и бранилась.

– Она говорит, что будет дёргать тебя за волосы каждый раз, как ты будешь дарить мне напёрсток.

– А почему?

– Динь, почему?

– Дурачок ты, – опять сказала Динь.

Питер не понял почему, а Венди поняла. И огорчилась. И ещё она очень огорчилась, когда он сказал, что прилетал к ним в детскую вовсе не ради неё, а чтобы послушать сказки.

– Понимаешь, я ведь не знаю сказок. И никто из потерянных мальчишек не знает ни одной сказки.

– Вот ужас-то! – сказала Венди.

– А знаешь, почему ласточки строят гнёзда под стрехами домов? Чтобы слушать сказки. Твоя ма-¹ ма рассказывала тебе такую прекрасную сказку, Венди!

– Это какую же?

– Про принца, который искал девушку, потерявшую хрустальный башмачок.

– Питер, это ведь Золушка! Он её потом нашёл, и они жили очень счастливо.

Питер пришёл в такой восторг, что тут же вскочил и побежал к окну.

– Ты куда? – закричала Венди, предчувствуя что-то недоброе.

– Рассказать другим мальчишкам.

– Не уходи, Питер. Я ведь знаю ещё и другие сказки.

Она произнесла именно эти слова. Таким образом, нельзя не признать, что она сама ввела Питера в искушение и

¹ Стрехá – свисающий нижний край крыши (*прим. ред.*).

немного была сама виновата в том, что потом случилось.

Питер отошёл от окна, но в глазах его мелькнуло какое-то странное, жадное выражение. Венди надо было насторожиться. Но она не насторожилась.

– Каких только сказок я бы не порассказала мальчишкам! – воскликнула Венди.

И Питер тут же схватил её и потащил к окну.

– Отпусти сейчас же! – приказала она ему.

– Венди, пошли со мной, расскажи мальчишкам сказку, – просил он.

Конечно, ей польстила такая просьба, но она возразила:

– Господи, да как же я могу? Ты подумал о маме? И к тому же я не умею летать.

– Я тебя научу.

– Летать?

– Я тебя научу запрыгивать ветру на спину. И мы тогда полетим вместе!

– Ух ты!

– Венди, ты только подумай: вместо того чтобы спать, мы могли бы летать по небу и болтать со звёздами!

– Ух ты!

– И ты бы увидела настоящих русалок.

– Русалок? С хвостами?

– Вот с такими длинными.

– Ой!

Питер старался пустить в ход всю свою хитрость.

– А как мы бы стали все тебя уважать, Венди!

Венди мучили сомнения. Похоже было, что она не согласится.

Питер продолжал безжалостно:

– Венди, ты подтыкала бы нам одеяла по ночам. Ведь нам никто никогда не подтыкал одеяла.

– Ох!

– Ты бы штопала нашу одежду. Ты бы сшила нам карманы. У нас ведь ни у кого нет ни одного кармана.

Ну как тут устоять?

– Ой, до чего ж интересно, Питер! Питер, а ты мог бы научить летать Джона и Майкла?

– Если хочешь – пожалуйста, – сказал он равнодушно. Он подошёл к их кроватям и начал трясти.

– Вставайте! – кричала Венди. – Питер Пэн у нас. Он научит нас летать.

Джон протёр глаза.

– Встаю.

Но, собственно говоря, он уже был на полу. Майкл тоже вскочил, и сна у него не было ни в одном глазу, как будто он и не ложился.

Но Питер вдруг сделал им знак замолчать. Все стали напряжённо прислушиваться. Вроде бы стояла мёртвая тишина. Вроде всё в порядке. Нет, постойте. Не всё в порядке. Дело в том, что Нэна, которая отчаянно лаяла весь вечер, вдруг замолчала. Вот эту-то тишину они и уловили.

– Гасите свет. Прячьтесь! – распорядился Питер.

Когда в спальню вошла Лиза, держа Нэну за ошейник, казалось, что все трое спят как ангелы и тихонько сопят во сне. Они и в самом деле сопели. Но только понарошку, не в постелях, а спрятавшись за занавесками.

Лиза была сердита: она сбивала на кухне сливки для рождественского пудинга, а Нэна мешала ей своими, как ей казалось, бредовыми тревогами. Ей пришлось бросить работу. Тесто переставалось. К щеке прилипла изюминка. Она решила, что уж лучше сведёт Нэну на минуточку в детскую, крепко держа за ошейник, конечно.

– Ну вот, дурёха. Ничего не случилось. Все твои ангелочки сопят в своих постелях.

Тут Майкл так старательно засопел, что чуть было не испортил всё дело. Нэна знала эти фокусы. Она стала рваться у Лизы из рук. Но Лиза держала крепко.

– Ну, хватит, Нэна, – сказала она и вытолкала собаку из детской. – Или ты замолчишь, или я пожалуюсь хозяину, и ты получишь трёпку.

Она снова привязала несчастную собаку во дворе. Нэна не успокоилась. Она залаяла ещё громче. Пусть хозяева зададут ей хорошую трёпку, только пусть скорее бегут домой из гостей и спасут детей.

Но Лиза не выполнила угрозу и вернулась на кухню к своим пудингам. Нэна поняла, что помощи ждать неоткуда. Она стала рваться с цепи, и наконец её усилия увенчались успе-

хом. Уже через мгновение она ворвалась в гостиную дома номер 27, и мистер и миссис Дарлинг поняли, что с детьми случилось что-то ужасное. Они выскочили на улицу, даже забыв попрощаться с хозяйкой.

С тех пор как Нэна побывала в детской, прошло целых десять минут. А Питер Пэн может достичь за десять минут очень многого.

Но давайте посмотрим, что произошло в детской.

– Всё в порядке! – объявил Джон, выходя из укрытия. – Слушай, Питер, ты в самом деле умеешь летать?

Не утруждая себя ответом, Питер облетел комнату.

– Вот это да! – закричали Джон и Майкл.

– Как это прекрасно! – отозвалась Венди.

– Я прекрасен, и это всем известно, – опять позабыл о скромности Питер.

Казалось, что летать совсем не трудно, и они попробовали, подпрыгивая сначала на полу, а потом – на кроватях. Но у них ничего не выходило. Они падали.

– Вы просто подумайте о чём-нибудь хорошем, ваши мысли сделаются лёгкими, и вы взлетите.

Он снова немного полетал по комнате.

– погоди, не мелькай, – попросил Джон. – Покажи всё сначала и медленно.

Питер снова показал. И медленно. И быстро.

– Я, кажется, понял, Венди! – закричал Джон.

Но он ничего не понял. Никто из них ничего не мог по-

нять, хотя даже Майкл уже умел читать двусложные слова, а Питер не отличал А от Б.

В общем-то Питер их дурачил. Ни один человек не сможет взлететь, пока его не посыплют пылью, которой обсыплются феи.

К счастью, он весь был перепачкан такой пылью. Он просто подул себе на руку, и пыльца осела на всех троих.

– Теперь поведи плечами и расслабься! – скомандовал он.

Первым всё это проделал Майкл. Его тут же подкинуло вверх.

– Я летаю! – взвизгнул он от восторга.

Джон и Венди проделали то же самое.

– Как здорово!

– Ух ты!

– Гляди, я летаю!

– И я!

У них получалось не так складно, как у Питера. Они болтали в воздухе ногами, но головы их касались потолка, точно воздушные шарики. И это было очень приятно.

Питер взял было Венди за руку, но Динь пришла от этого в такую ярость, что он разжал кисть.

Они подлетали кверху, потом вновь опускались, и снова – вверх и вокруг комнаты.

– Послушайте, почему бы нам не полетать снаружи, – вдруг сообразил Джон.

Питер как раз этого и добивался.

Майкл готов был вылететь хоть сию минуту – он хотел выяснить, за какое время он пролетит миллиард миль. Но Венди всё ещё сомневалась.

– А русалки? – подначивал Питер.

– О!

– К тому же там есть пираты.

– Пираты! – закричал Джон, надевая свою шляпу для воскресных прогулок. – Летим немедленно!

В это самое мгновение мистер и миссис Дарлинг выбежали из дома номер 27. Они сразу же выскочили на мостовую, чтобы поглядеть на окно в детской. Оно было закрыто, но в комнате полыхал свет, и самое ужасное заключалось в том, что они разглядели три фигурки, которые кружились по комнате, но не по полу, а под потолком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.